

Сяо Хуа закрыл дверь, даже не оглянувшись; он уже достаточно наслушался бреда своей кухни. Все было для него? Это была шутка? Если так, то он вовсе не собирался смеяться! Все это время он хранил себя в чистоте, чтобы вести достойный и уважаемый образ жизни; он ни за что не пойдет на такую низость, как продажа своего тела. Если он сделает что-то подобное, то его папаша, возможно, со стыда выкатится из могилы. Он выберется из этого места и будет жить так, как заслуживает!

Сяо Хуа пошел в свою комнату, не обращая внимания на крики и вопли двоюродной сестры. Не дает ему есть? Ладно, тогда он не будет есть. Посмотрим, как долго его кухня сможет вести себя так перед ним. Как только он успешно покинет это место, он разрушит все, чем гордилась его кухня. Хотя он думал, что было бы жаль закрыть эту таверну, которая была бизнесом мечты его матери, он знал, что его мать согласилась бы с ним, если бы узнала, до какого уровня его кухня унизила ее тяжелую работу.

- Хуа Хуа? Ты вернулся? - мер вышел из комнаты. Он нес поднос с миской, наполненной теплой водой, от которой все еще шел пар. - Хорошо, что ты вернулся. Состояние Ханьцзина снова ухудшилось; его вырвало всем, что он съел, и после этого он упал без сознания. Я только что вытер его. Его настроение не очень хорошее; я боюсь, что его здоровье может пострадать, если он и дальше будет так себя вести.

Сяо Хуа кивнул и пошел дальше в свои покои. Распахнув занавеску из бусин, он прошел мимо мера, который лежал на кровати и стонал, держась за большой живот.

- Я слышал, что ты плохо себя чувствуешь. Разве ты не принял лекарство, Ханьцзин? Разве доктор не сказал тебе, что плод нестабилен? Ты должен правильно питаться и вовремя принимать лекарства? Смотри, ты заболел. Как же ты поправишься, если не будешь заботиться о себе должным образом?

Мер по имени Ханьцзин был на шестом месяце беременности, но его живот был таким большим, что казалось, что беременность на несколько месяцев больше. Он схватился за живот и дал Сяо Хуа самоуничижительную улыбку.

- Какой смысл выздоравливать? Хуа Хуа, ты зря тратишь время. Просто оставь меня в покое. Даже если мне удастся сохранить жизнь и ребенка, ничего хорошего не произойдет. Моему ребенку придется расти в таком месте, а когда он вырастет, хозяйка таверны заставит его продать себя. Какой смысл в такой жизни? Не лучше ли ему быть похороненным вместе со мной?

Сяо Хуа сжал кулаки так сильно, что ногти впились в кожу. У этого мера, в отличие от него, не было отца, который защитил бы его в последние минуты жизни. Его двоюродная сестра заставил этого мера продать свое тело, загнав его в угол, пока тот не согласился стать наложником богатой госпожи. Однако эта богатая госпожа оказалась непостоянной, и через несколько месяцев ей наскучил Хань Цзину, и она отправила его обратно с животом на втором месяце беременности. Что же они собой представляли? Красивая игрушка, которую каждый может взять в руки, когда захочет, а потом выбросить, когда она ему надоест?

Сяо Хуа пообещал:

- Не волнуйся, твой ребенок никогда не родится в таком месте.

Хотя он еще не мог рассказать Ханьцзину о Ю Донг, ведь контракт еще не был подписан, и он не хотел давать Ханьцзину ложную надежду, а потом безжалостно вырывать ее обратно, однако он поклялся, что если завтра он действительно будет выкуплен, то обязательно заставит свою кухню заплатить за то, что она сделала с Ханьцзином и многими другими такими же, как он. Разве она не любила богатство? Когда-нибудь он заставит ее попрошайничать еду, только подождите!

Ю Донг чихнула, потирая нос, и стала размышлять о том, не ослабло ли ее тело, или кто-то говорит о ней за ее спиной. К счастью, она только что закончила кипятить воду на плите; она помоеет ноги в горячей воде, а затем немного поспит.

- Старшая сестра!

Ю Май, который все эти дни был занят с Ланг Ру, ворвался на кухню с сердитым выражением лица; он был так расстроен, что покраснел, а в глазах блеснули слезы. Ю Донг была поражена, она не знала, что случилось, но знала, что произошло что-то серьезное, потому что Ю Май не был мальчиком, который плачет без причины. Она присела и поспешно спросила:

- В чем дело, кто тебя обидел? Ру Ру тебе что-то сказала?

- Ру Ру не издевалась надо мной! Она моя лучшая подруга. Старшей сестре не разрешается говорить о ней плохо.

Ю Май очень опекал Ланг Ру. Она была его единственным другом и единственным человеком в его возрасте, который был готов играть с ним, не называя его "сумасшедшим" или "тупым". Ю Май боялся, что если Ланг Ру разозлится, то он может потерять единственного друга, который у него есть, поэтому он был готов пойти против Ю Донг.

Ланг Ру:

Возлюбленный детства был самым лучшим!

Ю Донг:

- ... Так, ты, сопляк, я вижу, что твои крылья становятся твердыми. - она подняла руку и легонько постучала по голове Ю Мая, а затем сказала дразнящим голосом. - Ладно, Ру Ру -

лучшая, хорошо. Если не она издевалась над тобой, то кто? Ты злишься на свою сестру, как будто это она издевалась над тобой.

Ю Донг просто подшучивал над ним, но к ее удивлению, Ю Май сразу же кивнул головой. С серьезным видом, он указал на нее пальцем с грозным осуждением:

- Точно, это сестра издевается надо мной!

Ю Донг:

- ...

Нет. Нет. Подождите... когда это случилось?

<http://bllate.org/book/14120/1241902>